

Л.В.Веселовский

«Если б знали вы...», Или «Никто не даст нам избавления...»

Рассказ о малоизвестном эпизоде противоборства на поприще культуры в далекой Бразилии двух сверхдержав в эпоху «холодной войны». Автор — участник описываемых событий. Некоторые имена и фамилии изменены.

7 апреля 1969 г. на первой странице провинциальной газеты «Diário do Pará» большими буквами было напечатано: «Русские заставили зал стоя петь «Интернационал». Эта новость была немедленно подхвачена крупнейшими бразильскими федеральными газетами «O Globo» и «Jornal do Brasil». В стране правила военная диктатура во главе с маршалом Артуром да Коста-и-Силвой — одним из самых репрессивных диктаторов в истории Бразилии. Во главе штатов также стояли военные, под полным контролем военной полиции была введена строгая цензура.

Ключевые слова: Бразилия, ансамбль «Жок», противостояние СССР — США, военная диктатура, Е.А.Фурцева.

DOI: 10.31857/S0044748X0003506-5

ПРОЛОГ

После затянувшейся снежной зимы наступил слякотный апрель 1969 г. Чертыхаясь на мерзкий апрельский дождь и порывистый ветер, Витька Локтев, прижав подбородком воротник потертого пальто, торопливо перебежал Старую площадь у Памятника героям Плевны и стал перепрыгивать через лужи, чтобы попасть в здание Министерства культуры СССР. Комсомольские вожаки, взявшие Витьку в Комитет молодежных организаций редактором-переводчиком, вдруг сосватали новоиспеченного сотрудника в длительное турне молдавского танцевального ансамбля «Жок» по Латинской Америке, благо он сносно объяснялся на португальском и испанском. Спеша на собрание отъезжающих, Витька тщетно пытался ответить на мучивший его вопрос: его отправили потому, что он больше ни на что не годился, или, наоборот, ему оказали высокое доверие?

На входе в здание строгий милиционер долго искал Витькину фамилию в списке, сверил фотографию в паспорте с оригиналом и равнодушно отправил его через гардероб на второй этаж. Витька сдал потяжелевшее от влаги пальто, посмотрелся в зеркало, пригладив пятерней промокшие во-

Леонид Владимирович Веселовский — экономист-международник, кандидат исторических наук, полковник КГБ СССР в отставке, пенсионер (revistala@mtu-net.ru).

лосы, и, перепрыгивая через ступеньку, рванул по широкой лестнице наверх. Он еще не привык к казенным помещениям и чувствовал себя не в своей тарелке. Увидев у дверей в зал коллегии весьма вольно одетую публику, он понял, что ему нужно именно сюда. Смущенно здороваясь с еще незнакомыми ему людьми, Витька осторожно протиснулся внутрь.

Просторный зал с высокими окнами был специально создан для долгих заседаний. Громоздкий стол президиума, укрытый зеленым сукном, и массивная трибуна сбоку давили на зал, вызывая у присутствующих такой же трепет, как у древних индейцев камень для жертвоприношений. От президиума в зал двумя похожими на пилу зигзагами тянулись столы для избранных участников с одноместными столешницами, затянутыми зеленым сукном. Вдоль стен стояли ряды стульев для приглашенных, не обладавших правом голоса. При необходимости в зал можно было втиснуть больше сотни отобранных начальством служителей культуры для очередной священной церемонии откровений при закрытых дверях.

По студенческой привычке Витька уселся на ближайшее свободное место у стенки в последнем ряду. К нему тут же подлетела молоденькая секретарша, спросила фамилию, поставила галочку в списке и понеслась дальше. Витька еще не успел осмотреться, как неприметная дверца в стене президиума открылась, и в зал деловито вошла Екатерина Алексеевна Фурцева. Витька сразу узнал ее, хотя живьем видел впервые. За ней с торжественно каменными лицами проследовали еще несколько чиновников. Все присутствовавшие в зале встали. Фурцева привычно заняла место в центре стола президиума, поправила микрофон и жестом пригласила всех сесть.

Министр оказалась миниатюрной, по-своему красивой женщиной. На ней были строгий синий в полоску костюм и блузка с широким кружевным воротником, украшенным скромной брошью. Высокая прическа с несколькими седыми прядями, открытое, немного усталое лицо, внимательный спокойный взгляд. «Здесь собрались те, — негромко произнесла она, — кому родина поручает пронести наше знамя всепобеждающего народного творчества по далекой Латинской Америке. Время сейчас сложное, борьба на идеологическом фронте нешуточная. Мы впервые решились послать фольклорный ансамбль на этот континент. Такие прославленные коллективы, как ансамбль «Березка», хор Пятницкого, хор Свешникова, покорили Европу, Соединенные Штаты, Японию. Вам же предстоит продолжить их триумф в новых для нас странах. Благодаря успеху, с которым вы выступали в разных городах Советского Союза, и популярности фильма «Свадьба

Диктатор Артур да Коста-и-Силва

в Малиновке», в съемках которого «Жок» принимал самое активное участие, наш выбор пал на вас. От итогов предстоящего турне зависят будущие гастроли ансамбля за рубежом. Поездка ваша коммерческая, все расходы на нее вам предстоит окупить своими выступлениями».

Зал воспринял слова министра молча, напряженно ожидая ответа на главный вопрос: кто возглавит коллектив? И вот, наконец, Фурцева произнесла: «К сожалению, ваш руководитель Владимир Курбет по состоянию здоровья поехать в турне не сможет, мы решили, что ансамбль в поездке возглавит директор Кишиневской филармонии Борис Ефимович Федорчук, которого вы прекрасно знаете». По залу пронесся гул неодобрения. Сидевший впереди Курбет встал, повернулся к залу и знаками остановил своих питомцев: «Коллектив к выезду полностью готов, программа утверждена, а мне действительно нужно подлечиться», — заверил он присутствовавших, хотя все знали, что эти слова предназначались для всемогущего президиума, который в последний момент мог и отменить выезд. Слухи о «невыездном» статусе Курбета из-за неуживчивости с местными партийными органами окончательно подтвердились именно здесь, в Москве. Зал затих, безучастно слушая объявления о времени вылета, порядке сбора в аэропорту и прочих организационных мелочах. Все расходились подавленные и встревоженные. На Витьку, официально представленного труппе в качестве переводчика, многие смотрели с подозрением. Витька заметил, что между собой они общаются на молдавском, и ему стало совсем тоскливо.

МАНАУС

Полет в Бразилию, первую страну многомесячного турне, был долгим и утомительным. Самолет «Аэрофлота» доставил труппу в Милан и улетел обратно. Труппа осталась один на один с незнакомым Западом. Итальянские карабинеры, патрулировавшие аэропорт, быстро отправили «русскую группу» в холодный транзитный зал с огромными окнами, выходящими на летное поле, где под присмотром пары бравых полицейских ей предстояло дожидаться бразильского чартера. Время шло, а вестей о бразильском самолете все не было. Между тем танцоры вальяжно растянулись на стоявших рядами жестких пластмассовых стульях, лениво взирая на убегающие к темнеющему горизонту огни взлетной полосы. Изредка за окнами взлетали и садились иностранные самолеты. Ночная темень над аэропортом становилась все гуще. Артисты постарше буднично резались в карты, кто-то достал домино, остальные стали читать прихваченные в московском аэропорту газеты и журналы. Две дамы в годах, как позже оказалось, костюмерши, вытащив из пластиковых пакетов спицы и клубки шерсти, принялись вязать, тихо переговариваясь между собой. На аэропорт опустилась ночь, взлетные огни погасли, всякое движение на поле прекратилось. Постепенно половина пассажиров погрузилась в дрему. Витька, не успевший познакомиться с танцорами, устроился поближе к Федорчуку и администратору ансамбля из местных молдавских органов Петру Калюжному, украдкой прикладывавшемуся к плоской фляжке, бережно хранившейся во внутреннем кармане. Витька, которого Федорчук попросил узнать, долго ли еще ждать, каждые полчаса бегал к полицейским, которые лишь пожимали плечами.

Вскоре после полуночи взлетная полоса вдруг вспыхнула, и через пару минут «Боинг» с надписью «Varig» помчался по ней, тормозя закрылками. Вся труппа зашевелилась, предвкушая скорый вылет. Наконец, появились заспанные итальянские стюардессы. Они открыли выход на поле и принялись отбирать посадочные талоны у сгрудившихся вокруг них пассажиров. Войдя в самолет, обессиленные от долгого ожидания артисты устало попадали на свободные места и, не дождавшись взлета, погрузились в тяжелый сон. Витька уселся у окна рядом с Федорчуком и Калюжным, взволнованно глядя на суету аэродромной команды и на отъезжающий от самолета трап. Наконец, от включенных двигателей лайнер задрожал, и темное здание аэропорта поползло назад. Оторвавшись от земли, лайнер, резко задрав нос, взмыл в ночное миланское небо. «Неужели я лечу в Бразилию?». Глядя на тускнеющие внизу огни итальянского города, Витька глупо улыбался своему отражению в стекле иллюминатора.

Вскоре после взлета бразильские стюардессы взялись было будить «странных русских» на ужин, но, не получив ответной реакции, бросили это занятие. Витька, укрывшись пледом и подсунув под голову подушку, закрыл глаза и вскоре провалился в сон, продолжая улыбаться.

Когда через двенадцать часов лайнер, натужно ревя двигателями, резво побегал по посадочной полосе, заставив Витьку и остальных пробудиться от сильной тряски, за бортом ярко светило солнце. Недоуменно таращась в иллюминаторы, заспанные пассажиры тупо рассматривали одноэтажное здание с огромными синими буквами МАНАУС на фронтоне, утопавшее в зелени раскидистых тропических деревьев. Над раскаленными плитами стоянки струился горячий воздух. Негры с обнаженными торсами не спеша толкали обшарпанный трап к подрагивающему, как лошадь после утомительной скачки, корпусу самолета. В открывшийся дверной проем лайнера ворвался пропитанный влагой и резкими запахами тропических цветов зной, и обессиленные путешественники с пакетами и сумками потянулись к выходу. Вступив на трап, они начали щуриться от нестерпимого солнечного света и спешно скидывали с себя куртки, пиджаки и теплые кофты. Жара обжигала, дышать было трудно. У трапа пассажиров из далекой России встретила пожилая дама, оказавшаяся их импресарио на время турне по Бразилии. Вычислив из толпы танцоров Федорчука, она сразу же взялась за организацию прохода группы через пограничный контроль и таможенню. Беседуя с Федорчуком на летном поле в присутствии Калюжного и Витьки, импресарио внимательно следила за выгрузкой из самолета больших металлических ящиков с реквизитом, которые с трудом умещались на багажных тележках, вокруг которых крутились местные таможенники.

При прохождении группы через пограничный контроль выяснилось, что в труппе помимо общегражданских красных паспортов было пять синих — служебных и три зеленых — дипломатических. Витьке пришлось убеждать пограничников в их легальности, поскольку визы были получены в посольстве Бразилии в Москве.

Через два часа все формальности были улажены, и труппа высыпала на площадь, где ее ожидали три видавших виды автобуса с открытыми окнами. Федорчук удостоился чести сесть в авто импресарио, а Калюжный носился между автобусами, тщательно считая по головам всех приехавших. Витька, изнывая от жары, решил забраться в ближайший автобус. Все си-

девшие в нем сильно потели, вытирая лицо и руки платками, полотенцами, бумажными салфетками. Жутко хотелось пить.

Наконец колонна автобусов тронулась, следуя за машиной импресарио. От потока воздуха из открытых окон стало немного легче. Вдоль дороги в город стояли похожие на сараи дома с кричащими вывесками автомастерских, лавок, зелеными крестами аптечных пунктов. На придорожных лотках громоздились овощи и фрукты. Продавцы и прохожие с любопытством разглядывали проезжавшую мимо них колонну автобусов, в окнах которых виднелись бледные лица иностранцев. Поднявшаяся от автобусов пыль, мусор, валявшийся вдоль дороги, бегущие рядом бездомные собаки — все это не добавляло оптимизма.

Непродолжительный проезд труппы по городу до отеля прошел в полном молчании. Впервые попав в эту неведомую им часть света, которую сами бразильцы называли «Inferno verde» («Зеленый ад»), путешественники изумлялись всему, что видели вокруг. Еще вчера Москва провожала их пронизывающим весенним ветром и дождем, а сегодня густая от влаги жара заставляла их непрерывно вытирать пот и часто дышать.

Отель, в котором предстояло разместиться труппе, находился на одной из немногих улиц с регулируемым уличным движением. Это было старое деревянное здание с резными балконами, построенное в португальском колониальном стиле. Расселялись в суматохе, не разбирая, с кем придется жить, стремясь как можно скорее добраться до отведенного номера и залезть под душ. Комнаты оказались душными и тесными из-за дополнительных кроватей, поставленных для уплотнения. Импресарио сразу же дала понять, что условия будут спартанские. Витьку поселили вместе с Калюжным. Войдя в номер, Витька понял, что облегчения ждать не придется. Воздух с улицы почти не проходил через плотные антимоскитные сетки, стоявшие в открытых настежь окнах, а огромный вентилятор под потолком гудел, гоняя по комнате раскаленный воздух. Он выбрал себе кровать поближе к окну, быстро разложил вещи и пошел в душ, отделенный от комнаты клеенкой. В это время Калюжный бегал по номерам, составляя список расселенных и раздавая каждому по десять крузейро на карманные расходы, полученные им от Федорчука.

Витька зашел в номер руководителя и застал там Калюжного. Оба они, попивая виски, обсуждали план на ближайшие часы. Федорчук поручил Витьке спуститься в ресторан отеля и заставить шеф-повара ополовинить заказанные на ужин порции мяса под предлогом строгой диеты, которой придерживались танцоры, оговорив при этом снижение цены наполовину, поскольку стейк с салатом стоил в ресторане пять крузейро, а нужно было уложиться в три с половиной. Витька не стал спорить, но про себя отметил: «Вот жлобы!». Калюжный, знавший все обо всех и о каждом, послал Витьку в холл сопроводить группу танцоров, собравшихся в город. «У вас есть час на прогулку. Потом все едут в театр на репетицию». Действительно внизу уже собрались несколько ребят и девчонок, собравшихся побродить пешком по незнакомым местам. Они с радостью согласились захватить с собой переводчика на случай вынужденного общения с местными.

На улице было удивительно пусто. Все дремало в полуденном зное. Свернув за угол соседнего квартала, мы очутились на аллее из роскошных тропических деревьев, под тенью которых можно было укрыться от палящего солнца. По обе ее стороны виднелись красные черепичные крыши

ухаженных особняков с изгородями из цветущих кустов, от которых струился приторный аромат. Из деревьев Витька узнал по листьям лишь акацию и фикус гигантских размеров. В конце аллеи показалась причудливая фигура одинокого прохожего. Он медленно приближался и, наконец, мы разглядели черного от загара босого старика в рваных полотняных штанах и протертой до дыр майке. Курчавую седую гриву, обрамлявшую небритое морщинистое лицо, прикрывало соломенное сомбреро. Старик лениво посасывал остаток потухшей сигары. На одном плече у него сидел огромный зелено-красный попугай, на другом — смешная обезьянка в цветной жилетке. Заметив странную для этих мест группу чужаков, он расплылся в улыбке, обнажив крупные желтые зубы, и, сняв сомбреро, произнес: «Сорти, сьореш?», — обратился он, снимая сомбреро. Витька перевел: «Предлагает выбрать судьбу». Танцоры переглянулись, явно не желая расставаться с только что полученными суточными. Витька, будучи среди них человеком новым, решил показать свою щедрость и протянул старику банкноту в три крузейро. Обезьянка вытащила маленькую коробочку с завернутыми в тугие рулончики бумажками, а попугай аккуратно взял клювом один из них. Старик что-то буркнул попугаю, и ара аккуратно положил свернутую трубочку в Витькину ладонь. «Немалые трудности и невзгоды ждут тебя в обозримом будущем. Тебе придется испытать лишения, предательство и подлость, вера в людей покинет тебя. Однако тебе удастся преодолеть все преграды на твоём жизненном пути, удача вернется к тебе, и ты оставишь после себя целое состояние». Витька в растерянности огласил остальным полученное предсказание. Кто-то засмеялся, кто-то стал успокаивать его, мол, эдак любому можно нагадать. Когда они оглянулись, силуэт старика и его верных спутников уже растворился в другом конце аллеи. Позже Витька не раз вспоминал этот маленький клочок бумаги, ловя себя на мысли, что предсказание бразильского попугая начинало сбываться. Хотелось дожить до обещанной фортуны, но пока можно было рассчитывать только на три карманных доллара в день.

Вернувшись в отель, Витька с ребятами присоединились к труппе, собиравшейся на экскурсию по городу. Калюжный отправил Витьку в первый автобус переводить рассказ словоохотливого гида Силвио. Сначала все слушали рассеянно, больше глаза по сторонам, но вскоре рассказ местного знатока увлек всех.

Покрытый тропическими лесами штат Амазонас раскинулся по всему северу Бразилии. Река, давшая название штату, растянулась на шесть с лишним тысяч километров, уступая лишь Нилу. В основное русло впадает множество притоков, и по нему непрерывно перемещается пятая часть всей имеющейся на Земле пресной воды. Мощное течение поднимает со дна огромные массы ила, отчего вода в реке мутно-желтая. В некоторых местах ширина реки достигает десятки километров, а глубина доходит до ста метров. Если лодка или судно идут ко дну, его даже не пытаются поднять. В Амазонке водятся тысячи различных видов рыб и рептилий, прежде всего крокодилов и гигантских анаконд.

Ширина и глубина Амазонки позволяет океанским судам подниматься до знаменитого порта Манаус, города, долгое время остававшегося последним центром цивилизации в обширном буйстве тропических лесов. Еще в 1669 г. португальские конкистадоры в надежде найти золото в труднопроходимой сельве основали маленькое поселение на берегах могучей

Оперный театр Манауса

реки там, где черные воды Рио-Негру сливаются с желтым потоком Соли-моеша. Спустя двести лет, их потомки обнаружили, что сок дерева гевеи, в огромных количествах растущего в окрестностях Манауса, который индейцы называли «слезами дерева», обладает удивительными свойствами. Мир узнал о новом подарке природы после того, как португальский король Жоао II получил из своих южноамериканских владений плащ, пропитанный этими «слезами». Два часа слуги, не жалея сил, поливали водой своего короля, закутанного в чудо-плащ. Король остался сухим. Португалия стала первой страной в Европе, наладившей выпуск непромокаемых тканей. Латекс ценился дороже золота. После открытия в 1838 г. способа вулканизации каучука спрос на него стремительно вырос. Автомобильные покрышки стали для Манауса главной резиновой продукцией. Всех охватила новая предпринимательская лихорадка. На смену сахарному тростнику, золоту, алмазам и кофе пришел каучук. Бразилия под страхом смертной казни запретила вывоз семян гевеи из страны. За несколько лет город превратился в удивительный оазис роскоши и культуры: особняки и дворцы, рестораны и памятники, парадные улицы — все это появилось в непроходимых джунглях на берегах Рио-Негру. И это в местности, где уровень воды в реке в дождливые сезоны может подниматься до пятнадцати метров и затапливать все на многие километры вокруг, а сам город окружен тропическим лесом и болотами с множеством крокодилов. В этих джунглях свирепствуют малярия и желтая лихорадка, проникающие под кожу паразиты, убивающие человека изнутри, а в местных озерах растут гигантские кувшинки виктория-регия, способные выдержать человека.

Прибывшая из далекой неведомой страны труппа начала познавать этот удивительный мир. Первая остановка была у раскинувшегося на берегу реки знаменитого с давних времен муниципального рынка, вокруг которо-

го громоздились лачуги старого города, обитые фанерой и пальмовыми листьями. На пришвартованных к сходням длинных лодках высились целые горы тропических овощей и фруктов, в клетках бились живые куры и поросята, от рядов с пряностями и зеленью исходили резкие незнакомые ароматы. У воды на грязных от рыбьей чешуи, кожуры и листьев дощатых настилах лежали огромные туши пираруку — самой большой пресноводной рыбы в мире, питающейся падающими с деревьев фруктами.

Гомон полуголых продавцов в ярких индейских украшениях, приторные запахи тины, рыбы, смолы, пряностей, множество мух, бродячие собаки — от всего этого кружилась голова, и хотелось поскорее вернуться в автобус.

ТЕАТР

После короткого знакомства с рынком экскурсанта отправилась к холму, на вершине которого одиноко возвышалось величественное здание театра. Именно отсюда должны были начаться многомесячные гастроли ансамбля.

Оперный театр Манауса был исторической достопримечательностью города, напоминающей об эпохе каучукового расцвета. Он был построен в конце XIX в. по заказу местных каучуковых олигархов специально вызванными из Франции строителями, которым удалось воссоздать точную копию парижской «Grand Opéra». Перед главным входом прекрасно сохранился старый каучуковый настил, заглушавший шум подъезжавших к театру конных экипажей. Внутреннее убранство театра отличалось роскошью отделки. Огромные хрустальные люстры освещали просторные фойе и зрительный зал. Балконы были украшены позолотой.

Танцоры сгрудились на просторной покатой сцене, по-хозяйски разглядывая кулисы, пробуя на прочность оригинальное покрытие из красного дерева. Музыкальный руководитель и дирижер оркестра Лев Синкевич тут же спустился в оркестровую яму, примеряясь к дирижерскому пульта. Без лишней суеты все занялись знакомым делом: за задником расставлялись ящики с реквизитом, у боковых кулис оборудовались места для костюмеров и сапожников. Танцоры побежали в гримерные переодеваться.

Через полчаса вся труппа была готова к репетиции. В пустом темном зале расселись Борис Федорчук, Петр Калюжный, Витька и Ксения Познанская, внучка первых русских эмигрантов. Пожилая, ухоженная дама говорила по-русски с сильным французским акцентом. В молодости она брала уроки балета в Париже, поэтому считалась профессионалом в организации гастролей танцевальных ансамблей и входила в число доверенных продюсеров министерства культуры. Федорчук торжественно представил ее труппе, назвав Познанскую ангелом-хранителем, от которой зависит благополучие всего ансамбля. Слегка грассируя, мадам по-русски пожелала всем успеха.

Прогон программы прошел на редкость удачно, акустика в театре была великолепная. По заведенной традиции номера программы объявляла одна из солисток ансамбля, выходившая к рампе перед каждым танцем. Когда она объявила финальную «Молдовеняску», мадам Познанская громко заметила, что перевод, без которого не обойтись, заметно удлиняет паузы между танцами, кроме того, каждый раз рядом с солисткой должен появляться переводчик. Отсутствие у Витьки сценического опыта создавало

Ансамбль «Жок» исполняет «Молдавеняску»

риск сбой выступлений из-за перевода. Федорчук, будучи опытным руководителем филармонии, сразу же понял тревогу Познанской и предложил объявлять номера из-за кулис только на португальском. Витька получил от него строгое указание обеспечить перевод всей программы, сделать несколько копий и выучить текст наизусть. Ранее утвержденные объявления пришлось изменить, поскольку многое в переводе звучало странно и малопонятно. Растерянному Витьке помог дирижер Синкевич, натура артистическая и яркая. Он быстро привел пояснения к молдавским танцам в понятную обитателям Амазонии форму, хотя в обратном переводе они звучали бы еще более странно. Вечером в отеле Витька долго сидел над переводом, шлифуя свою роль. Он волновался перед премьерой, пожалуй, больше, чем все остальные.

ПРЕМЬЕРА. САМБА ПО-МОЛДАВСКИ

На следующий день все семьдесят пять человек труппы прибыли в театр задолго до начала. Здание театра окружала толпа, с любопытством ожидавшая выступления заморских артистов. Премьерная лихорадка охватила всех. Федорчук то и дело заглядывал в зал, торопил танцоров, подбадривал Витьку. Артисты сгруппировались за кулисами, поправляя костюмы и делая несложные па для разминки. Мадам Познанская сидела в главной ложе, опекая губернатора Данило Дуарте ди Матуша и других приглашенных.

Наконец прозвучал третий гонг, дирижер вышел к пульту, взметнул руки вверх, и по залу покатались волшебные звуки музыки. Зазвучал усиленный динамиками хриплый Витькин голос: «Государственный ансамбль народного танца Молдавии «Жок». Молдавская сюита». На сцену медленно выплыла женская группа ансамбля в ярких национальных костюмах. Спектакль начался.

Танец постепенно набирал скорость. Два хоровода — мужской и женский — закружились в бешеном ритме, почти касаясь друг друга. Зажига-

тельная музыка гремела, заполняя зал удивительными для местной публики сочетаниями звуков скрипки и духовых инструментов.

Богатство костюмов, мелодий, красивые девушки и ребята, задорно исполнявшие народные танцы, все это создавало в зале ощущение доселе невиданного праздника. Каждый номер сопровождался овацией. Уже к концу первого отделения танцоры поняли, что успех достигнут, и от этого ощущения выкладывались еще больше, не жалея себя. Зрители долго не отпускали труппу, настойчиво требуя повторения финальной «Молдовеняски» на бис.

За ужином в гостиничном ресторане ребята с удовольствием уплетали куски жареного на углях мяса, не брезгуя порциями некоторых танцовщиц, заботившихся о своих фигурах.

На следующее утро за завтраком Витька долго переводил руководителям труппы восторженные отклики местных газет. Всем казалось, что удачное начало гастролей позволит ансамблю всерьез заявить о себе и получить приглашения в Европу и США. Мечтать не вредно...

Второе представление также прошло на ура. Витька вещал из-за кулис все увереннее, с удовольствием слушая свой усиленный динамиками голос. В финале ансамблю пришлось пять раз станцевать на бис заключительный фрагмент «Молдовеняски». После спектакля кто-то из солистов предложил заканчивать выступление бразильской самбой в знак благодарности зрителям за горячий прием. Все радостно согласилось, а мадам Познанская пообещала срочно подыскать мастера самбы для постановки танца. На утренней репетиции появился местный балетмейстер, и через пару часов танец был поставлен.

На заключительном концерте в Манаусе исполнение бразильского танца произвело эффект разорвавшейся бомбы. Синкевич выжимал из оркестра бразильские ритмы с характерными молдавскими переливами, что придавало музыке удивительные оттенки. Публика, готовая присоединиться к танцу, рвалась на сцену.

НЕЗНАКОМЕЦ

Вернувшись в отель, артисты долго не расходились по номерам, обсуждая свой триумф. Витька сидел в холле с группой ребят, когда к нему подошел портье. «Вас спрашивают», — сказал он и показал на сидящего в кресле у входа человека. Удивленный Витька подошел к нему. Загорелый мужчина встал и тихо произнес по-русски: «Вы из ансамбля? Можно с вами поговорить?». Витька с подозрением посмотрел на незнакомца.

— Не бойтесь, я русский, Ковалев Иван Савельевич. Работаю инженером в геологоразведочной партии компании «Shell» в верховьях Амазонки. Только сегодня прибыл по реке в город за запчастями. Завтра мне нужно плыть обратно. Из газет узнал о вас и пришел. Просто я уже двадцать лет не говорю по-русски.

— Как вы здесь оказались? Почему уехали из Союза?

— Это длинная история. Если я Вас не отрываю, пойдёмте в соседний бар, мне хочется поговорить.

Витька, зная, что нарушает строгое правило, предписывавшее не выходить из отеля по одному, все же согласился. Что-то подкупало в этом незнакомом усталом человеке. В полумраке бара они сели за столик.

— Не хотите попробовать коктейль «Русский негр»?

Принесли два стакана с темным напитком, в котором плавали куски льда и долька лимона.

— Не бойтесь. Это водка с кофе.

Витька сделал глоток и приготовился слушать.

— В годы войны я был старшим лейтенантом, танкистом. Мне было всего двадцать три, когда в апреле сорок четвертого я в составе отдельной бригады генерала Еременко участвовал в освобождении Крыма. В бою мой танк был подожжен, экипаж погиб, а меня ранило. Очнулся в плену у немцев. Позже оказался в лагере для перемещенных лиц в Австрии. С группой русских пленных решил остаться на Западе. Американцы сказали мне, что за гибель танка и плен меня ждет смертная казнь или лагеря в Сибири. Из Италии я перебрался в Аргентину, оттуда в Венесуэлу. Работал механиком, водителем, пока не устроился в «Shell».

Витька впервые встретился с живым человеком, отказавшимся вернуться на родину.

— Иван Савельич, — приложившись к стакану, решился спросить Витька. — А Вы никогда не хотели съездить домой?

— Сначала я очень тосковал, даже навел справки. Я ведь родом из-под Смоленска. Бои там были страшные. Мне удалось узнать, что нашу деревню немцы сожгли, а жителей расстреляли. У меня на родине никого не осталось. Здесь у меня своя семья в Сан-Антонио, жена из местных, двое детей. Они русского не знают. Для них родина — Венесуэла. Ты лучше расскажи мне, как вы там живете? Ведь здесь публикуют, черт знает что. Ты, например, где живешь?

Витька, почувствовав, что пьянеет, стал рассказывать о своей жизни, о том, что живет в Москве в двухкомнатной квартире с родителями жены, что у него недавно родилась дочь. Зарплата в пересчете на доллары — около 120. Ковалев горестно покачал головой:

— Долго же тебе придется копить на собственное жилье. Давай хлопнем по «Белогвардейцу», это тоже коктейль.

Осоловевший Витька кивнул.

— А в джунглях как вы живете?

— Обычно работаем по шесть месяцев без связи с цивилизацией. Почту и продукты нам сбрасывают с вертолетов. Самое страшное — жара и влажность. Спим в гамаках под москитными сетками. У каждого винчестер и мачете. Без них в джунглях пропадешь.

— А кого больше всего боитесь? Хищников или ядовитых тварей?

— В лесу надо бояться всего, даже ядовитые растения могут убить. Да и индейцы иногда бунтуют. Два дня назад нам с вертолета сбросили почту. Мой друг Душан из Сербии получил письмо от родных и ночью в гамаке зажег свечу, чтобы прочесть его. Я говорил ему, что зажигать свет опасно, а он все твердил «Сейчас, сейчас...». Очень соскучился по своим. Ну, вот... на свет прилетела огромная бабочка «Ночной поцелуй» с длинным ядовитым хоботом, с лету пробила сетку и попала ему в висок. Через час мы его хоронили.

Витька был настолько ошарашен рассказом, что залпом выпил похожий на молоко коктейль и окончательно захмелел. Ковалев показался ему очень симпатичным дядькой, и ему хотелось сделать для нового друга что-нибудь приятное.

— Пойдем в отель, я тебе бутылку русской водки подарю.

— Ничего не надо, Витя, — расчувствовался Иван Савельевич. — Я ведь только душу отвести хотел, поговорить. По тебе вижу, нормальные ребята, неправду о русских местные газеты пишут. Учти, здесь у вас много врагов, вы это обязательно почувствуете. Ну, спасибо тебе за беседу. Пока. Иди, а то тебя, наверное, ищут...

Пошатываясь от выпитого, Витька вернулся в отель и поднялся в номер. Его соседи уже спали. Он о своей встрече с незнакомцем он решил никому не рассказывать. Эпизод с бабочкой взбудоражил его не меньше, чем сама история жизни Ивана Савельевича.

Рано утром вся труппа уже была в аэропорту. Гастроли продолжались.

БЕЛЕМ. «ОХОТНИКИ ЗА КАУЧУКОМ»

Перелет в Белем, столицу штата Пара, был недолгим и красивым. Специально арендованный для труппы двухмоторный самолет «Electra» на небольшой высоте покругил над местом, называемым «Свадьбой рек», где Риу-Негру сливается с Солимошем. Первый пилот пригласил Витьку в пилотскую кабину, попросив его перевести свои пояснения:

— В Амазонке вода — мутно-желтая, а в Риу-Негру — черная. Из-за разности температур воды двух рек — черная и светлая — на протяжении двух километров текут, не смешиваясь. Пассажиры, отталкивая друг друга от иллюминаторов, долго смотрели на чудо водной стихии.

Белем оказался одним из старейших морских портов в устье Амазонки, построенным еще первыми португальскими мореходами. Из-за множества рукавов, образующих устье Амазонки, и окружающего город тропического леса влажность в Белеме была еще более высокой, чем в Манаусе, отчего жара становилась просто невыносимой.

Первым делом артистов повезли знакомиться с прекрасно сохранившейся старинной крепостью Каштелу, находившейся на морском берегу, древние корабельные пушки до сих пор были нацелены на море. Затем автобусы медленно проехали мимо действующего с незапамятных времен рынка «Ver-o-peso», чем-то напоминающего рынок в Манаусе. Наконец они остановились у превращенного в природный парк куса джунглей «Bosque Rodrigo Alves». Узкие дорожки для посетителей были обнесены оградой, похожей на решетчатые туннели для хищных зверей в цирке. Множество обезьян металось по лианам, вспугивая удивительных по раскраске птиц, в тени деревьев лениво развалилась пара пятнистых ягуаров. Среди зелени удалось разглядеть пуму и оцелота. Витька впервые увидел обнявшего ствол ленивца. На лужайке неспешно бродил муравьед с непомерно длинным языком. Гид обратил внимание группы на мирно отдыхающую на ветке секвойи огромную анаконду. В одном из павильонов посетителей поразили удивительные коллекции птиц размером с бабочек, гигантских термитов, пауков и жуков. В просторном вольере на ветках рядами сидели знаменитые туканы с большими желтыми клювами, равнодушно глядя на медленно идущую группу туристов. В той части, где хищников вроде не должно было быть, Витька остановился у покрытого густой травой холмика, украшенного зеленой статуей варана. «К чему здесь этот

Рынок «Ver-o-peso»

памятник?» — подумал он и вдруг заметил, что веки у статуи двигаются. «Да он живой!». Из-за влажности дышать в тропическом лесу было трудно.

Лес стал гуще. Свешивающиеся сверху лианы заставляли нагибаться. Почва была влажной. Неожиданно группа вышла на заросший берег

одного из рукавов. Вода была мутная. Гид предупредил, чтобы в воду не лезли и ничего не кидали, мол, здесь царство крокодилов и пираний.

Окружавшие Витьку джунгли, несущиеся мимо потоки воды, спрятавшиеся где-то рядом крокодилы вдруг пробудили в нем невероятные воспоминания. Он, шестилетний малыш, сидит со своей бабушкой в темном зале кинотеатра «Салют» и замирает от страха от происходящего на экране. Показывали захваченный советской армией в Германии и названный у нас трофейным английский фильм «Охотники за каучуком», действия которого происходили именно здесь, недалеко от Белема. Шел 1876 год. Черной тропической ночью, прорубая себе путь сквозь сплетения лиан, чавкая высокими сапогами в вязком мангровом иле, к реке спускался человек с заплечным мешком. В мешке у него было семьдесят тысяч сморщенных серых комочков — семян столь охраняемых «резиновыми баронами» гевей. Звали этого человека Генри Уикгем. Подкупом, лестью, ложью, а иногда и оружием подданный Британской империи Уикгем внедрился в близкое окружение бразильского правительства. Выдав себя за безобидного ботаника, изучающего флору дождевого леса Амазонии, он сумел проникнуть на заповедные плантации гевей и похитить сокровище, превосходящее любое состояние, принадлежащее самой богатой семье в мире. Он бежал от погони на трех лодках, стремясь поскорее достичь Белема. Семена он уложил в несколько металлических цилиндров. Индейцам, преследовавшим его на пирогах, удалось потопить одну из лодок и убить нанятых им гребцов. На вторую лодку напали крокодилы. Третья попала в водоворот, и только Генри удалось спастись, уцепившись за обломки лодки, когда его подобрал британский корвет. Сохранились и два цилиндра с драгоценными семенами, которые он прочно привязал у себя на груди. Королевское биологическое общество в Лондоне наградило Генри за этот подвиг титулом лорда. Вскоре похищенные семена дали прекрасные всходы в Малайзии, а Манаус и Белем пришли в полный упадок.

Витька был удивлен тому, что благодаря этой необычной обстановке он вновь увидел фильм из далекого детства, который так напугал его тогда. Экскурсия по джунглям закончилась, и автобусы отправились в театр.

Театр «Da Paz» на площади Республики в Белеме был построен каучуковыми королями примерно в то же время, что и в Манаусе. По своей архитектуре и внутреннему убранству он напоминает театр «Ла Скала» в Милане. Группа, успев привыкнуть к местной публике, успокоилась и стала деловито готовиться к концертам в этом городе. Восторженные отклики

Театр «Da Paz» в Белеме

прессы соседнего штата докатились до Белема. По требованию местных властей к трем запланированным ранее концертам мадам Познанская решила добавить два утренних представления для детей.

ТРИУМФ И НАКАЗАНИЕ ЗА НЕГО

Вечером на первый концерт съехалась вся местная знать во главе с военным губернатором, полковником Аласидом Нуньешем. Оркестр расположился в глубине сцены на специальном подиуме. Судя по овациям после каждого номера, успех ожидался не меньшим, чем в Манаусе. Дважды отбисировав финальный танец, труппа вышла на самбу. Зал взорвался аплодисментами, не смолкавшими в течение всего танца. Закончив выступление, танцоры подошли к рампе, приветствуя зрителей. С балкона зала слышалось нестройное пение. Угадывалась мелодия «Подмосковных вечеров». Стоявшие на сцене артисты в едином порыве, взявшись за руки, стали раскачиваться в такт песне. Кто-то из них стал подпевать: «Если б знали вы, как мне дороги...». Улыбающийся до ушей Лев Синкевич сделал полуоборот к музыкантам, картинно взмахнул кистями рук, и те дружно заиграли мелодию популярной песни. Зал встал и, вторя танцорам, закачался в такт песне, с поднятыми вверх руками. Исполняемые на двух языках «Подмосковные вечера» звучали торжественно, словно гимн.

Слезы радости и взаимной симпатии переполнили всех находившихся в зале. Даже губернатор встал в своей ложе, сдержанно аплодируя артистам. Наконец представление окончилось, и возбужденная публика покинула театр.

Артисты же долго не могли успокоиться, обсуждая в гримерных понятные только им детали неожиданного финала. Пока труппа переодевалась и приводила себя в порядок, Федорчук с Синкевичем прямо за кулисами на

радостях осушили бутылку виски. Мадам Познанская, зорко следившая за реакцией публики, почуяла шквал аншлагов по всей Бразилии. Она тут же дала указание удвоить артистам порции в гостиничном ресторане. Впервые с начала гастролей танцоры, отдавшие спектаклю столько сил, наелись до отвала. Они устало разошлись по номерам, но еще долго не могли уснуть в ту ночь то ли от обильного ужина, то ли от переполнявших их впечатлений.

ПРОВАЛ. ГАЗЕТНАЯ «УТКА»

На следующий день заспанная труппа выехала на утренний концерт для детей за час до начала представления. Толпа зрителей вокруг театра восторженно приветствовала артистов, но ее окружал плотный полицейский кордон, энергично оттеснявший бросившуюся к автобусам публику. По выстроенному стражами порядка коридору артисты вошли в театр. В темном зале они увидели много полицейских, указывавших им дорогу на сцену. За кулисами тоже стояли люди в штатском. Сгрудившиеся на сцене танцоры недоуменно рассматривали окруживших их людей. Витька метался по сцене, тупо задавая один и тот же вопрос: «Что случилось?».

Наконец, седой человек в строгом черном костюме, оказавшийся начальником военной полиции штата, остановил метавшегося по сцене Витьку, и громко объявил всем, потребовав от Витьки перевести его слова дословно:

— Спектакль отменяется до особого распоряжения. Всем оставаться на сцене.

Труппа тревожно загудела. Федорчук глазами искал мадам Познанскую, но ее нигде не было видно. Витьке удалось разговорить полицейского, охранявшего узкое пространство за задником, и тот шепотом сообщил Витьке подоплеку происходящего:

— В утренних газетах появилась статья против вашего ансамбля.

В зал впопыхах вбежала мадам Познанская, по лицу которой все поняли, что случилось что-то серьезное. Она подозвала Федорчука с Синкевичем и показала им местную газету с огромным заголовком «Русские заставили зал встать и запеть Интернационал!». Эта весть немедленно разнеслась по сцене. «Ну, попали!», — в сердцах брякнул кто-то из молодых. В это время недовольство вокруг театра росло. Разгневанная ожиданием и неизвестностью публика требовала объяснений, наивно полагая, что русские артисты отказались от утреннего спектакля, требуя дополнительного гонорара. Кто-то из местных полицейских чинов крикнул в толпу:

— Спектакль отменяется! Деньги за билеты получите в кассе!

Между тем артисты, не зная, сколько еще придется ждать на сцене, стали устраиваться прямо на полу. Кто-то вытащил из кармана колоду, и вокруг игроков сразу же собрались болельщики. Полицейские с удивлением смотрели на эту группу русских нарушителей порядка, откровенно наплевавших на происходящее вокруг.

Примерно через час бессмысленного толкания на сцене полицейские получили приказ вывести всех русских к автобусам, отправить их в отель и держать их там до особого распоряжения. При посадке в автобусы труппа в полной мере испытала на себе смену настроения публики. Вокруг слышались свист, гневные выкрики, возмущенные возгласы. От вчерашней любви и симпатии не осталось и следа. Все смотрели на них, как на врагов человечества. У многих настроение

было испорчено именно из-за враждебной реакцией людей, пришедших на их спектакль и не получивших желанного зрелища.

В холле отеля, где артисты хотели переждать эту вспышку народного гнева, было полно людей в штатском, хмуро оглядывавших расстроенных артисток. Федорчук немедленно собрал в своем номере все руководство труппы и потребовал у Витьки переводить все, что было напечатано в местной прессе о вчерашнем происшествии и ансамбле. Из газет стало ясно, что конфликт явно надуман, высосан из пальца и больше похож на неудачную шутку. Какой-то журналист в репортаже о «русской премьере», сославшись на мнение анонимных представителей военной полиции штата, утверждал следующее: «В финале первого представления в Белеме русские запели «Интернационал», заставив весь зал встать. Репортеру удалось выяснить у одного из участников спектакля, что в России все зрелищные мероприятия заканчиваются таким ритуалом — пением коммунистического гимна. Репортер сумел выяснить позицию губернатора штата, присутствовавшего на спектакле. Тот был крайне возмущен и тут же распорядился остановить гастролы до особого распоряжения, отправив депешу президенту страны. Подробный доклад о происшествии он обещал направить в президентскую канцелярию не позднее сегодняшнего вечера». В других газетах это событие было описано примерно так же, но с меньшими подробностями. Там также говорилось об отмене всех спектаклей на территории штата, а зрителей оповещали о порядке возврата билетов. Вопрос о гастролях в Ресифи, куда труппа планировала вылететь через три дня, по мнению корреспондентов, оставался открытым, поскольку речь шла о другом штате, и его губернатор должен был принять собственное решение.

Обсуждение газетных публикаций в Витькином переводе было бурным. Федорчук потребовал у Калюжного обеспечить срочную связь с советским послом. Когда ему пояснили, что до посольства три тысячи километров, а по телефону такие вещи обсуждать нельзя, он махнул рукой:

— Тогда я не знаю, что делать.

Синкевич со свойственной ему запальчивостью предложил срочно созвать пресс-конференцию и опротестовать публикацию. Калюжный тихим голосом возразил:

— Что опротестовывать? Артисты пели? Пели. Зал стоял? Стоял. А для бразильцев «Подмосковные вечера» и «Интернационал» одно и то же.

Синкевич понял, что Калюжный при случае будет все валить на него, мол, не надо было оркестру включаться. Мадам Познанская попыталась разрядить обстановку:

— Я связалась с нашим партнером, бразильским импресарио в Рио, он обещал помочь. Ведь театры взбунтуются, им нечем заполнить простой. Думаю, все решится за два-три дня. Сегодня я жду аудиенции у губернатора.

— Значит, будем ждать, — заключил Федорчук и потянулся за бутылкой. Синкевич протянул свой стакан. — И мне...

БАССЕЙН

Между тем возникшее у труппы уныние сменилось апатией. Отсутствие новостей и домашний арест в неудобном отеле дополнялись удушающей жарой и влажностью. Пролетавшие сквозь любые сетки москиты изводили

постояльцев мелкими укусами. Даже душ в номере не приносил облегчения. Изнывающие от зноя артисты стали роптать. Витька, завидев появившегося в холле уже знакомого шефа полиции, обратился к нему с вопросом о бассейне. Мол, не хватало артистам еще и теплового удара.

Полковник хмыкнул и удалился. Примерно через час из полиции поступило разрешение пользоваться публичным бассейном в двух кварталах от отеля. Уговаривать никого не пришлось, ведомые полицейскими артисты толпой устремились в бассейн. Вскоре в чистой воде плескались множество молодых, не успевших обгореть тел. Вокруг под тентами расположились люди в строгих костюмах и галстуках, с явным интересом наблюдавшие за резвившимися в воде нимфами. Федорчук и Синкевич в отечественных трикотажных плавках ядовитого малинового цвета решили не тягаться с молодежью и направились прямо в бар. Водные процедуры заметно улучшили настроение, ребята дурачились, толкая друг друга в воду. Витька нежился в теплой воде, плавая вместе со всеми.

Когда на фоне множества фигур в ярких купальниках у бортика бассейна появилась группа строгих мужчин в штатском во главе с полковником, Витька понял, что ищут его. Шеф поманил его пальцем:

— Где руководитель?

— Сейчас найду, съор колонел, — ответил Витька и, вылетев из бассейна, помчался в бар. Через минуту он вышел с двумя подвыпившими начальниками. Плохо соображая, Федорчук с красным от спиртного лицом, выпятив голый живот, предстал перед полицейским. Тот, указав пальцем на Федорчука и Витьку, приказал:

— Вы двое со мной. Жду в машине, — и пошел на выход. Директор филармонии, нервно натягивая штаны в раздевалке, дал Синкевичу последнее указание:

— Если я не вернусь, связывайся с консульством и требуй защиты.

Он даже всхлипнул, представив себя в бразильском застенке. Черный лимузин с надписью «Полиция» ждал у входа. Сев на заднее сиденье, Федорчук со страхом обнаружил, что оно отделено от водителя стальной сеткой. Его затрясло. Витька с тревогой ждал продолжения. Машина тронулась и поехала в обратную от отеля сторону. Федорчук заскулил:

— Нас заперли! Это незаконный арест! Я протестую!

Полковник, наслаждаясь испугом, как ему казалось, русских, повернулся к Витьке:

— Я везу вас в отель для проверки документов. Здесь одностороннее движение, нужно объехать.

Через пять минут машина действительно остановилась у отеля, где они жили. Доставленных полицией русских провели в кабинет управляющего. Полковник потребовал принести паспорта трупы, сданные администрации отеля при оформлении. Встревоженный управляющий вернулся в кабинет и высыпал на стол семьдесят пять советских паспортов. Полковник, вытащив из общей кучи несколько зеленых, синих и красных паспортов, зловеще спросил:

— Объясните, почему паспорта разного цвета?

Федорчук растерялся, не зная, что ответить.

— Зеленые, — залепетал он, — дипломатические для депутатов Верховного Совета Молдавии, то есть парламента республики.

— Каких депутатов? — откровенно удивился пожилой полицейский.

— Трех самых известных солистов нашего ансамбля избрали в парламент Молдавии. Они — представители законодательной власти.

— Вы хотите сказать, что сенаторы танцуют в вашей труппе? Чушь! Прекратите красную пропаганду! — вспыхнул полковник.

— Они, действительно народные артисты и депутаты — гордо произнес директор филармонии.

— Ну, допустим. А синие для кого? В них ведь написано «служебный».

Федорчук пустился в пространные объяснения, мол, такие паспорта выдают государственным служащим вроде него.

— Так что, у вас пять государственных служащих?

— Наш ансамбль весь государственный, — решив не сдаваться, отрубил Федорчук.

— А красные тогда кому?

— Это всем, кто впервые выехал.

Полицейские принялись листать паспорт за паспортом. Они долго не могли понять печать на русском языке «Выезд до...». Когда Федорчук сказал, что это «выездная виза», старик махнул рукой:

— У вас все, не как у людей!

Тщательно проверив правильность проставленных бразильских виз, шеф полиции примирительно заявил:

— Через два-три дня придет ответ из канцелярии президента. А пока можете возвращаться в бассейн. По городу одни не ходите.

У Витьки появилась надежда, что все разрешится наилучшим образом. Если бы...

Окончание следует

Leonid V. Veselovsky (revistala@mtu-net.ru)

Cand. Sci. (History), economist in international affairs, retired colonel, pensioner

«If you knew...», Or «No one will give us deliverance...»

Abstract. The story of a little-known episode of the confrontation between the two superpowers in the era of the "cold war" in the field of culture in distant Brazil. The author is a participant in the described events. Some first and last names have been changed.

On April 7, 1969, on the front page of the provincial newspaper «Diário do Pará», it was printed in large letters: «The Russians forced the hall to sing the «International» This news was immediately picked up by the largest Brazilian federal newspapers «O Globo» and «Jornal do Brasil». The country was ruled by a military dictatorship led by Marshal Arthur da Costa e Silva, one of the most repressive dictators in the history of Brazil. The states were also headed by the military, and strict censorship was introduced under the full control of the military police.

Key words: Brazil, Joc Company, USSR-USA confrontation, military dictatorship, E.A.Furtseva.